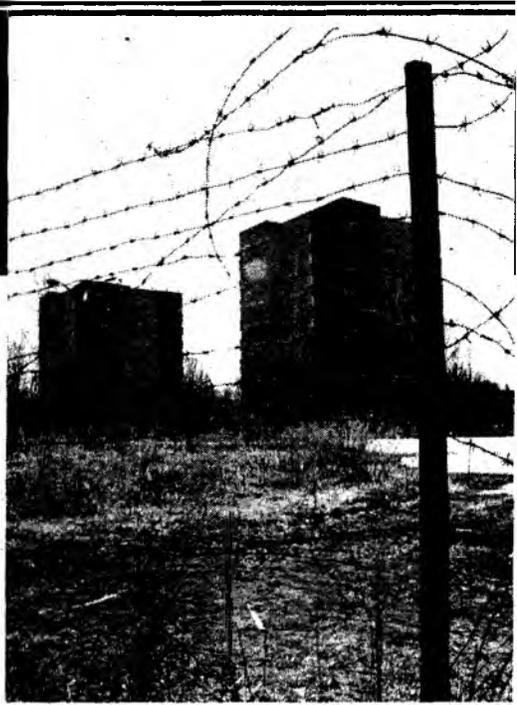

БЕЛАЯ ПТИЦА С ЧЕРНОЙ ОТМЕТИНОЙ

Именно так назвала Припятъ припятчанка и славутчанка одновременно, поэтесса Любовь Василевская: группа ветеранов ЧАЭС, ныне пенсионеров, посетила бывший "атомград" 15 апреля. Поездку для них организовала Чернобыльская АЭС. Экскурсия затевалась не ради собственно экскурсии — ее результатом станет документальный фильм о городе спустя двадцать лет после аварии, созданный в видеофотолаборатории станции

ОДНАЖДЫ 19 ЛЕТ НАЗАД

...Этот город пока еще есть на карте Украины. Правда, в него нельзя приехать просто так — сесть в поезд или автомобиль и съездить. Поезда сюда не ходят. Автомобильное путешествие растянется на пару часов, и прежде чем отправиться в него, вам понадобится получить разрешение нескольких инстанций, а в пути — преодолеть два таможенных пункта и три границы. Три, потому что третья из них — "субдержавная", пролегла там, где начинается 30-километровая зона отчуждения, созданная 19 лет назад после памятной аварии на Чернобыльской АЭС.

КПП Парышев, проверка документов — и вы в Зоне, едете по дороге, с двух сторон окруженной "колючкой", а на обочинах то и дело мелькают яркие, желто-красные угрожающие значки радиоактивной загрязненности да мертвые отселенные деревни. В какой-то момент вдалеке появится силуэт самой Чернобыльской АЭС, а затем впереди замаячит раздвоенный с указателем: направо — ЧАЭС, налево — поселок Чернобыль, прямо — мертвый город Припятъ. Нам прямо...

...О городе, который стал, наверное, самым страшным памятником разгулявшемуся мирному атому, всегда говорили немного, а последнее время — все реже и реже. И зря, — лучше ведь об ответственности за безалаберность, недоработку или "просто" технологический просчет не расскажешь.

История Припятти показана и поучительна, и поэтому я попытаюсь рассказать о гибели этого города так, как рассказывали об этом его бывшие жители — те, с кем свела журналистская судьба.

— Можешь мне, конечно, не верить, но дальше того, что на станции пожар, фантазия не работала. И это было за пределами ЧП, но то, что произошло на самом деле... Ну не могло такого быть! Предположить что-то подобное было нелегально! — говорит припятчанка, ныне руководитель профсоюзной организации неработающих пенсионеров ЧАЭС Лидия Климова.

В свое время Лидия Владимировна принимала самое непосредственное участие в строительстве города и станции, на станции до недавнего времени работал ее муж и сын. Чем был для них город? Молодостью, домом, местом, где приложены все силы, родины детей. Поверить, что кто-то сверху мог ошибиться в расчетах и в результате весь их мир рухнет в одночасье, они просто не могли. Сегодня Климовы живут в Славутиче — когда начал строиться город, собрались они на семейный совет и решили — едем. Одной из главных движущих сил Поступка явилось желание быть поближе к тем, с кем жили рядом в Припятти, с кем пережили беду...

Понять, чем была Припятъ для своих жителей, можно только сердцем: разум отказывается осознать, чем же это славутичские кварталы и славутичское жилье-бытие хуже припятского. И слушать рассказы переживших эвакуацию, ликвидацию последствий аварии, послеаварийный пуск и последующее закрытие станции — безмерно тяжело и больно. А каково же с этим жить?

Лидия Малышева, работник электроцеха с 1978-го по 1986 год:

— Десять лет в Припятти — это самые лучшие годы моей жизни. Нас после аварии часто спрашивали — как же это вас занесло в Чернобыль? Элементарно: были молодые, работать нравилось, нам казалось, что никаких проблем у нас уже не будет. Квартиру в городе, так же как и большинство наших коллег, мы получили не сразу. Жили в Шепеличах, работали на станции, а по субботам выходили на субботники. Что это были за субботники! Чудо! Мы "субботничали" на достройке жилых домов — и такой настрой был замечательный! Знали, что в том или ином доме получишь квартиру знакомый, сосед, сотрудник. Эх, все, что с Припяттью связано, такое светлое ощущение оставляет! Первые годы после аварии мы жили в Киеве, и все сравнения были отнюдь не в пользу столицы. Здесь у нас все было на порядок лучше, и поэтому мы переехали в Славутич. Вроде все хорошо, но... Знаете, слишком дорого наша семья заплатила за потерю Припятти!

— Я тоже в электроцехе работал, — продолжает муж Лидии Петровны, Александр Малышев (ЭЦ, 1977 — 2002 годы), — какая у нас атмосфера на работе была! Прием на работу запомнился — такой теплый. Получение жилья запомнилось... А какой после работы был отдых! Какая рыбалка! Лес, где было много грибов! На Киевское море ездили. Раздолье... Нет, я понимаю, что это была молодость, но и Славутичем нас... как бы это помягче сказать... обманули. Канал обещали от самого Днепра построить — где канал? Да разве только это? Это так, к слову. Станцию закрыли — а ведь мы ее восстанавливали, чтобы работала...

...Авария произошла в 1 час 24 минуты по московскому времени в ночь с 25 на 26 апреля. Взрыва, как писали отдельные западные источники, на самом деле не было — было два хлопка, относительно негромких, их слышали жители двух кварталов города. Небо окрасилось серебристо-сиреневым светом. "Гроза", — подумали припятчане и не стали закрывать окон — ночь была душная.

Свечение видели и рыбаки,

удившие в ту ночь рыбу на реке с одноименным городом названием. Никого не насторожил странный цвет гулявших по небу зарниц — рыбаки мирно доудили до утра.

Рассказывает Николай Афанасьев, бывший работник ЧАЭС, ныне — пенсионер и депутат Славутичского горсовета:

— В Припятти я жил в центре города, в девятиэтажном доме, на крыше которого была надпись "Хай буде атом робітником, а не солдатом". Напротив моих окон расположено здание городского почтамта. 26 апреля была суббота, по-летнему теплый солнечный день. Я вышел из дому около 11 часов дня. На улице было как на празднике. Дороги и тротуары беспорядочно мыли с моющими средствами, с пеной. В магазинах было изобилие продуктов — до этого дня таких продуктов в Припятти и не завозили даже, например, молоко, сметану в пакетах. У нас раньше-то продавали молоко только разное да в бутылках. Я накопил денег 800 рублей, хотел купить себе болгарское кожаное мехо-

вое пальто. Увидел в магазине соседа, Сашу Архипенко. И он сказал мне, что, по слухам, на ЧАЭС случилась какая-то серьезная авария. Барабан-сепаратор, что ли, взорвался. Я ему предложил слезти на крышу нашего дома и посмотреть. Когда мы с ним залезли на крышу, то поняли масштабы аварии... В районе почтамта 27 апреля уровень радиации был около 300 МР/ч, в квартире — 7 МР/ч. Для сравнения, до аварии в "чистых" помещениях зоны строгого режима было 5 МР/ч.

Я позвонил своему начальнику цеха ТАИ (тогда исполнял обязанности начальника цеха Веды Анатолий Николаевич). Спросил у него, что делать. Телефонов квартирных тогда совсем мало было, поэтому задания были в основном такие — сбегать к тому-то, предупредить, чтобы не увезжал. Эвакуация жителей состоялась 27 апреля, поэтому нужно было обещать и предупредить всех, кому было необходимо остаться для выполнения работ на станции. В основном, это были квалифицированные рабочие, мастера, руководители участков тех производств, от которых зависела жизнедеятельность и безопасность

атомной станции и реакторов. 28 апреля, в понедельник, я был на атомной станции. Кроме заданной по своей специальности, 28 и 29 апреля мы получали задания по дезактивации помещений атомной станции. Я, конкретно, в эти дни мыл коридоры и лестницы административно-бытового корпуса. Работа была очень трудная, ведь мы были одеты в пластиковые костюмы. Пока работал, поту набирались полные бахилы. Для нас, специалистов, это были разовые работы. Мы дезактивировали, как правило, только свое оборудование и свои помещения. А женщины-дезактиваторшицы вынесли на себе всю атомную станцию.

Любовь Василевская, ДК ЧАЭС, 1981 — 2004 годы:

— У нас в Доме культуры работали 60 человек, в основном, это были абсолютно счастливые люди. У них было море задумок, они находились на подъеме своих творческих возможностей и стремлений. Авария перечеркнула все. Нас разбросало по свету. "Наши" живут даже на Кубе. Сейчас мы — молодые пенсио-

ем ареала. А еще на подъездах к городу через дорогу прямо перед автомобилем одна за другой перемахнули косули. Диким животным без чловека привольнее...

На площадке перед бывшим ДК почему-то очень много шиповника-самосевки. Он выбивается из щелей в асфальте, и сейчас, пока нет листьев, выглядит особенно символично.

— С Припяттью я распрощалась в 1991 году, и не думала, что выпадет мне еще такой шанс — побывать в своем городе, — рассказала Лидия Малышева. — Собственно, возможность и раньше была, но даже представить себе, что я вновь приеду сюда, — так больно становилось при одной мысли об этом. А сегодня хожу, смотрю — ничего не забылось, но немного все же отпустило, отпустило...

Отпустило ли?! ...Городскую школу №2 с улицы не видно — вокруг нее заросли дикой растительности. С трудом пробираться между колючими ветками и огибаемостью на площадке перед входом.

Здесь у нас обычно торжественные линейки проходили, я "заведовал" звуковым оформлением, поэтому выбирался на крышу, выставлял аппаратуру, — вспоминает Эдуард Дмитриев, выпускник этой школы (ЦЛМ, затем ТВ ЧАЭС, 1985 — 1999 годы).

Вслед за Эдуардом мы пробираться внутрь. Обширное фойе забито валяющейся мебелью и учебниками, все это покрыто толстым слоем штукатурки. Стены — в язвах облешей краски. Жуть. Медленно поднимаемся на третий этаж в кабинет физики.

— Это мой класс, — тихо говорит Эдуард, пробравшись к доске по развалам хлама. На коричневой поверхности — какие-то формулы, кажется, что-то связанное со световым потоком. Это — последнее, что было изучено в этом классе до аварии. И в этом, и в соседних классах изпод линолеума проросли... березки. Природа и время берут свое.

В кабинете географии на доске — адреса бывших учеников, телефоны — и просьба ко всем, кто знаком, звонить в любое время суток. Подобные обращения можно увидеть на многих более-менее сохранившихся поверхностях.

На эрозированных стенах почему-то очень хорошо сохранились надписи типа "Атом должен работать на коммунизм и мир", "Мирный атом ждет ваших рук" и т.д. И смотреть на них очень-очень грустно...

— Сейчас я уже как-то отошел от этого, а первые годы, конечно, очень болело, — признается Эдуард Валерьевич.

Отболело?! — В этом доме я получил квартиру — как раз за три года до аварии. Здесь родилась моя вторая дочь, — рассказывает Станислав Константинов, художник (ЧАЭС, 1979 — 2001 годы), показывая на шестнадцатизатяжку на окраине Припятти. — До аварии мы как раз успели сделать полный ремонт в двух комнатах — как раз подбиралась к третьей, моей. С тех пор я больше ни в одной квартире ремонт не делал...

Мы заходим в бывшее общежитие — и сердце сжимается при виде разваленной детской машинки, забытой на подоконнике гантели, перевернутой мебели, воды, плещущейся в плафонах электроосвещения. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оставляет общежитийская библиотека: на стеллажах все еще стоят книги, сквозняк треплет забытое кем-то на столе техническое пособие.

— Мы жили так, с детства жизнь еще не началась, лишь ожидали ее настоящего начала. А оказалось, что большая ее часть уже прожита, — вздохнул, проходя по гулким коридорам общаги, Станислав Васильевич.

Притупись?! — Два экскурсионных микроавтобуса медленно продвигаются по городским улицам. Если приглядеться, то еще вполне заметны пешеходный переход возле городской школы.

Сквозь густую растительность, которая скрывает ступени магазина, просматриваются на диво сохранившиеся витрины с надписями "Мир", "Труд", "Май" — за три дня до гибели город упорно готовился к Первомаю. А вот в этом кафе, рассказывали, как раз 26 апреля должна была отмечать 30-летие свадьбы — гости так и не дались в тот день молочный, который был неотлучно занят на станции. А может, и не в этом кафе, а совсем в другом — все так заросло, так изменилось...

...Справа остается здание больницы — слышала, здесь, на кровати детского отделения, в августе 1986-го был найден высушенный скелет собаки — облученный лес пришел за помощью и едой к людям и, не найдя никого, умер в одиночестве...

...На въезде из города — детская площадка, заросшая травой и каким-то неизвестным жестким кустарником. Говорят, в 1986-м здесь, на ограниченном "пятачке", "фонило" более всего. После долгих поисков собака найдена и причина — кусок реакторного графита. Он пролетел вследствие "хлопка" три километра!

...Стену первого видимого уже на подъездах к КПП здания украшает надпись "Партия Ленина — сила народная нас к торжеству коммунизма ведет". Буквы от времени посветлели и потускнели, спустя несколько лет их вообще не станет видно. Господи, символично-то как!.. Исчезнут они — и пропадет повод для дебатов с идеологической подоплекой — не в идеологии первопричина происшедшего...

...На въезде в город — внушительная стена с надписью "Припятъ-1970". По идее, здесь надо бы через тире добавить и вторую дату — 1986: год рождения и год смерти. Прости нас, Припятъ.

Майя РУДЕНКО,
фото Вадима ИВКИНА

